

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВИНТУС С ПЕРЧИКОМ

Она уже минуту-другую рассматривала дом, обдумывая, что будет дальше, когда вдруг прямо из лесу выскочил слуга в ливрее (Алиса решила, что это слуга, как раз потому, что он был в ливрее, хотя, если судить только по лицу, она скорее назвала бы его рыбою) и принялся оглушительно стучать кулаками в дверь. Дверь открыл другой слуга в ливрее, с круглым лицом и выпученными, как у лягушки, глазами, причем на головах у обоих слуг, заметила Алиса, кудрявились пудренные парики. Ее одолело такое любопытство, что она даже немножко выглянула из леса: послушать, о чем говорят эти двое.

Слуга-Рыба, вынув из-под мышки несусветных размеров письмо, протянул его второму слуге и официальным тоном произнес: «Герцогине. Приглашение от Королевы на игру в крокет». Слуга-Лягушонок повторил тем же тоном, только переставив слова: «От Королевы. Приглашение Герцогине на игру в крокет».

Потом они поклонились друг другу, да так низко, что кудри их сплелись.

На Алису напал приступ смеха: ей даже пришлось отбежать назад, иначе ее бы услышали, а когда она снова выглянула из леса, Слуги-Рыбы уже не было, а Слуга-Лягушонок сидел на земле возле двери и тупо смотрел в небо.

Алиса неуверенно подошла к двери и постучала.

— Стучать не имеет смысла по двум причинам, — сказал Слуга-Лягушонок. — Во-первых, я нахожусь с той же стороны двери, что и вы, а во-вторых, они так шумят, что им вас не услышать. — Шум в доме действительно был невероятный, там постоянно визжали и чихали, а время от времени раздавался страшный звон, словно разбивалось вдребезги блюдо или чайник.

— Тогда... — сказала Алиса, — тогда не подскажите ли вы, как мне попасть внутрь?

— В вашем стуке, — не обращая внимания на вопрос, продолжал Слуга, — был бы смысл, если бы нас с вами разделяла дверь. Например, будь вы *внутри*, вам следовало бы постучать — и я бы, разумеется, выпустил вас наружу. — Говоря, он

глаз не сводил с неба, и Алиса решила, что это весьма невежливо. «Впрочем, не стоит, наверное, вменять ему это в вину, — тут же подумала она, — у него ведь глаза чуть ли не на темечке. Однако на вопросы он отвечать обязан».

— Как мне попасть внутрь? — повторила она.

— Я здесь до завтра буду сидеть, — заметил Слуга.

В этот момент дверь распахнулась — и огромная тарелка со свистом рассекла воздух, чиркнув Слугу по лицу: тарелка слегка задела его нос и, врезавшись в дерево, разлетелась в осколки.

— Или, может быть, до послезавтра, — продолжил Слуга, словно ничего не произошло.

— Как мне попасть внутрь? — Алисе пришлось повысить голос.

— А *надо ли* вам вообще внутрь? — спросил Слуга. — Это, знаете ли, главный вопрос.

Разумеется, главный, кто бы спорил, но Алисе не нравилось, когда с ней так разговаривают. «Просто ужасно, — пробормотала она, — что все эти существа выражаются подобным образом. Тут кто угодно с ума сойдет!»

А Слуга, похоже, улучил момент повторить свое первое заявление и повторил — в несколько измененном виде.

— Буду здесь сидеть, — объявил он, — и сидеть, и сидеть, день за днем.

— Но *мне-то* что делать? — спросила Алиса.

— Да что угодно, — ответил Слуга и принялся насвистывать.

«Ну вот какой смысл с ним разговаривать, когда он полный идиот!» — в отчаянии подумала Алиса, сама открыла дверь и вошла.

Дверь вела прямо в большую кухню, которая была полна дыма. Посередине на трехногом табурете восседала Герцогиня

с младенцем на руках, в то время как кухарка, склонившись над очагом, всматривалась в котел, по-видимому, полный супа.

— Перцу в этом супе явно многовато! — сказала себе Алиса, чувствуя, что вот-вот расчихается.

Явно многовато перцу было и в воздухе. Даже Герцогиня то и дело чихала, а уж младенец и вообще ни на секунду не прекращал чихать — разве что когда визжал. Не чихали в этой кухне только кухарка и лежавший у очага большущий кот с усмешкой во всю морду.

— Не будете ли вы так любезны объяснить, — сказала Алиса смущенно, поскольку не была уверена, позволяет ли хороший тон заговаривать первой в подобных ситуациях, — почему ваш кот лежит и усмехается?

— Он Чеширский, — объяснила Герцогиня, — потому и усмехается. Свинтус!

Последнее слово она выкрикнула с такой внезапной яростью, что Алиса испугалась и отпрыгнула, но в следующий же момент, поняв, что слово «свинтус» относилось к младенцу, набралась смелости и произнесла:

— Я не знала, что Чеширские коты всегда усмехаются, и, честно говоря, не знала даже, что коты *умеют* усмехаться.

— Все коты это умеют, — отозвалась Герцогиня, — причем почти все так и делают.

— Я не знаю ни одного кота, который бы усмехался, — очень вежливо сказала Алиса, чувствуя прямо-таки удовольствие от того, какой приятный завязывается разговор.

— Вы и вообще не очень-то много знаете, это видно невооруженным глазом! — заявила Герцогиня.

Алиса, которой совершенно не понравился ее выпад, подумала, что хорошо бы найти другую тему для разговора. Пока она пыталась придумать что-нибудь подходящее, кухарка сняла котел с очага и тут же принялась швыряться чем ни попадя с явным намерением угодить в Герцогиню и младенца: первым полетел каминный прибор, за ним — кастрюли и кастрюльки, тарелки, блюда... Герцогиня не обращала на них никакого внимания, даже когда они ее задевали, а младенец и так уже настолько громко вопил, что понять, задет он или нет, было совершенно невозможно.

— Умоляю вас, опомнитесь! — в ужасе верещала Алиса, бегая кругами по кухне. — О-о-о, прямо в *драгоценный* его носик! — застонала она, когда невероятных размеров кастрюля, пролетая мимо младенца, чуть не снесла ему нос.

— Было бы лучше, если бы каждый занимался *своим* делом, — сипло пробурчала Герцогиня, — тогда Земля вертелась бы куда быстрее, чем сейчас!

— Что *ни в коем случае* не пошло бы ей на пользу, — возразила Алиса, обрадовавшись поводу хоть немножко блеснуть

начитанностью. — Только подумайте, какая началась бы неразбериха с днем и ночью. Земле, видите ли, требуется двадцать четыре часа, чтобы повернуться вокруг своей оси, и, если вы этого не знаете, то пора бы...

— Топора бы! — подхватила Герцогиня. — Отрубить ей голову!

Алиса бросила беглый, но весьма испуганный взгляд на кухарку: поняла ли та намек, — однако кухарка теперь была полностью захвачена созерцанием супа и, казалось, не прислушивалась к разговору, поэтому Алиса осмелилась продолжить:

— Двадцать четыре часа, *по-моему...* или двенадцать... я...

— О, не докучайте мне, — сказала Герцогиня, — я не выношу чисел! — С этими словами она принялась баюкать младенца, напевая своего рода колыбельную и по окончании каждой строчки неистово встряхивая бедное создание:

*Баю-баюшки-баю,
Я младенчика побью,
Чтобы маленький нахал
Так настырно не чихал.*

ХОР

(в котором объединились кухарка и младенец)

У-у! У-у! У-у!

Перейдя ко второму куплету, Герцогиня начала зверски подкидывать младенца к потолку, и несчастный малыш теперь уже визжал так, что Алиса с трудом различала слова:

*Как проснешься поутру,
Перчика тебе натру:
Кушай перчик — и молчок,
А не то придет волчок!*

ХОР

У-у! У-у! У-у!

— Вот! Поняните-ка его сами немножко, если вам это по душе! — сказала Герцогиня Алисе, швырнув ей ребенка. — А мне нужно подготовиться к крокету у Королевы. — Тут она бросилась вон из кухни. Кухарка запустила в Герцогиню сковородкой, но не попала.

Алисе едва удалось поймать летящего в нее ребенка. Он оказался престранным существом, его ручки и ножки торчали в разные стороны... «Прямо морская звезда какая-то», — подумала Алиса. Кроме того, будучи пойманным, бедняжка пыхтел что твой паровоз, весь сжимался и весь же растягивался, извиваясь туда-сюда, — одним словом, первые минуты две Алисе стоило большого труда не уронить его на пол.

Быстро сообразив, как его лучше ухватить (хитрость была в том, чтобы завязать младенца эдаким узлом и крепко держать за правое ухо и левую ножку, дабы узел не развязался сам собой), она вышла с ним на свежий воздух. «Если я не заберу отсюда этого ребенка, его определенно укокошат, дня не пройдет... можно ли обречь малыша на верную погибель?» Последние слова она произнесла вслух, и малыш хрюкнул в ответ (чихать он к этому времени уже прекратил).

— Не хрюкай, — сказала Алиса. — Это далеко не лучший способ самовыражения.

Дитя хрюкнуло еще раз, и Алиса с испугом взгляделась в его лицо, чтобы понять, в чем дело. У дитяти, вне всякого сомнения, был *очень* курносый нос — скорее, пяточок, чем нос как таковой, да и глазки оказались слишком крохотными для нормального младенца, так что в общем и целом Алисе ну просто совсем не понравилась внешность этого существа. «Ладно, может быть, он не хрюкнул, а всхлипнул», — подумала она и снова заглянула ему в глазки: а вдруг там слезы?

Нет, никаких слез.

— Если ты, дорогой мой, собираешься у меня тут в поро-сенка превратиться, — серьезно сказала Алиса, — я прекращаю с тобой всякие дела. Имей в виду.

Бедняжка опять всхлипнул (или хрюкнул, понять было невозможно), и они отправились дальше в молчании.

Алиса как раз начала впадать в размышления («Ну и что мне с ним делать, принеси я его домой?»), когда младенец захрюкал опять, причем так оглушительно, что теперь она вгляделась в его лицо с большой тревогой. Сомнений больше не оставалось: пятючок, глазки, ушки... ни дать ни взять поросенок, и Алиса сочла нелепым тащить его дальше.

Она ссадила прелестное создание на землю и, наблюдая за тем, как поросенок мирно затрусил в лес, подумала: «А вырос бы этот свинтус побольше — превратился бы в чрезвычайно страшенького ребенка; зато поросенок он вполне милый». Алиса начала вспоминать знакомых детей: что за отменные поросята из них могли бы получиться, если бы знать наверняка, как превратить их в... да вздрогнула, увидев на ветке дерева неподалеку Чеширского Кота.

Глядя на Алису, Кот усмехался. «Настроение у него хорошее... а вот когти длинноваты и зубов многовато, так что надо, пожалуй, относиться к нему с почтением», — решила она и произнесла довольно робко, поскольку понятия не имела, понравится ли Коту такое обращение:

— Кисонька... Чешир-ская! — Кот усмехнулся еще шире прежнего. («Вперед, — скомандовала себе Алиса, — он пока не сердится!») — Скажите, пожалуйста, в каком направлении мне идти, чтобы отсюда выбраться?

— Это в большой степени зависит от того, куда вы желаете добраться, — ответил Кот.

— Да мне, собственно, не так уж важно куда... — призналась Алиса.

— Тогда не важно и в каком направлении идти, — ответил Кот.

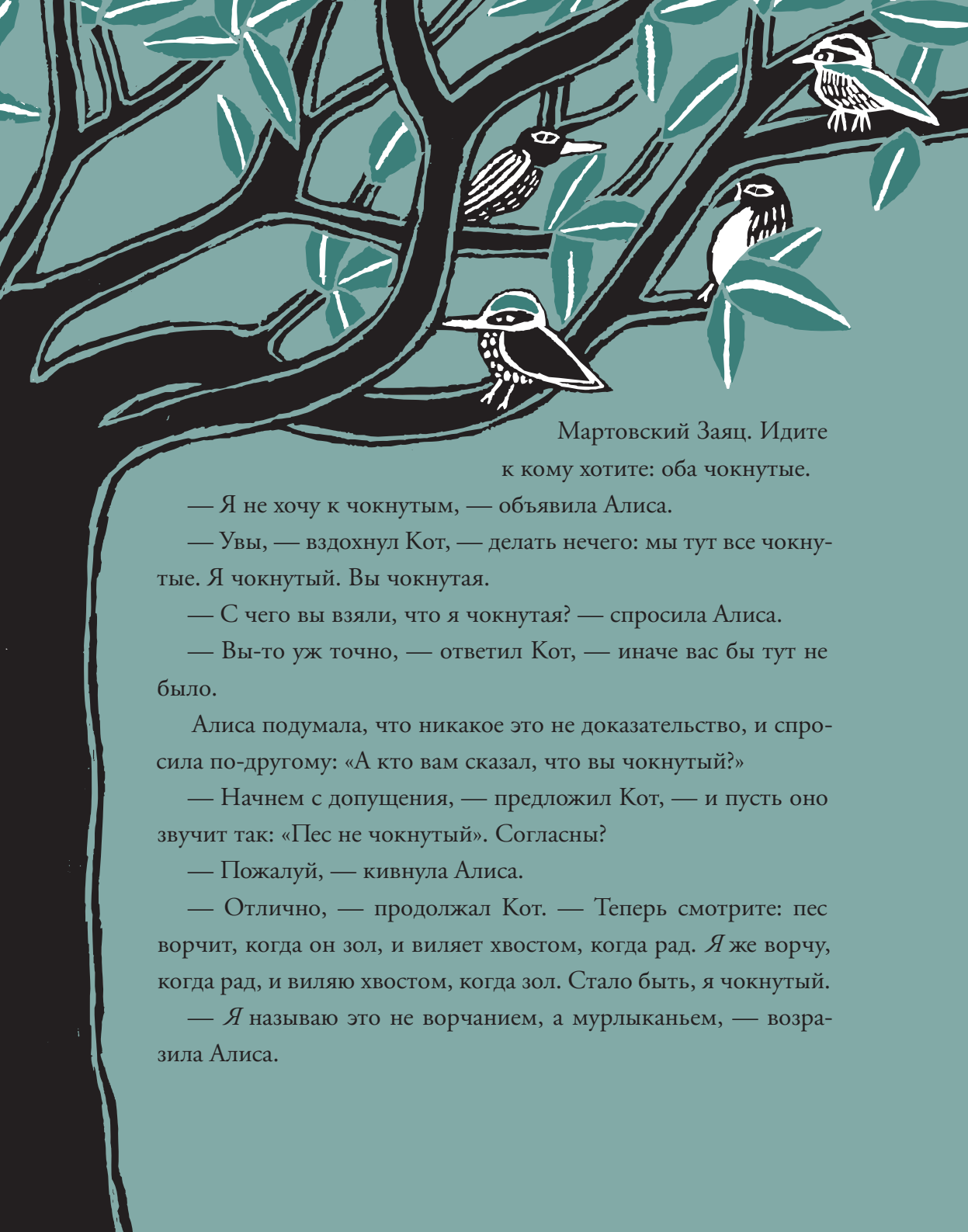
— Я имею в виду, мне бы добраться *хоть куда-нибудь*, — попыталась объяснить Алиса.

— О, куда-нибудь вы доберетесь в любом случае, — пообещал Кот, — если только будете шагать достаточно долго.

Алиса не стала спорить и попробовала зайти с другого конца:

— А что за народ живет тут вокруг?

— Вон *там*, — Кот махнул правой лапой, — живет безумный Головной Уборщик, а *там*, — он махнул левой, — полоумный

Мартовский Заяц. Идите
к кому хотите: оба чокнутые.

— Я не хочу к чокнутым, — объявила Алиса.

— Увы, — вздохнул Кот, — делать нечего: мы тут все чокнутые. Я чокнутый. Вы чокнутая.

— С чего вы взяли, что я чокнутая? — спросила Алиса.

— Вы-то уж точно, — ответил Кот, — иначе вас бы тут не было.

Алиса подумала, что никакое это не доказательство, и спросила по-другому: «А кто вам сказал, что вы чокнутый?»

— Начнем с допущения, — предложил Кот, — и пусть оно звучит так: «Пес не чокнутый». Согласны?

— Пожалуй, — кивнула Алиса.

— Отлично, — продолжал Кот. — Теперь смотрите: пес ворчит, когда он зол, и виляет хвостом, когда рад. Я же ворчу, когда рад, и виляю хвостом, когда зол. Стало быть, я чокнутый.

— Я называю это не ворчанием, а мурлыканьем, — возразила Алиса.

— Называйте как хотите, — разрешил Кот. — А вот что насчет сегодняшнего крокета у Королевы — вы идете?

— С удовольствием бы пошла, — вздохнула Алиса, — но никто пока не приглашал.

— Найдете меня там, — сказал Кот и исчез из виду.

Алиса начинала привыкать к здешним странностям, она даже не особенно удивилась этому исчезновению, хотя так и продолжала смотреть туда, где только что был Кот... — и вдруг он опять возник на том же месте:

— Кстати, совсем забыл спросить: а с ребенком-то что стало?

— Превратился в свинтуса, — спокойно, как будто такие внезапные появления котов были для нее в порядке вещей, ответила Алиса.

— Я знал, что этим кончится, — сказал Кот и опять пропал.

Алиса немного подождала, почти уверенная в том, что скоро увидит его снова, но Кот больше не появился, и минуту-другую спустя она двинулась в том направлении, где, судя по словам Кота, жил полоумный Мартовский Заяц.